

АКСИЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ (ПОНИМАНИЯ) ЕДИНИЦЫ ПРОСТРАНСТВА *МИР* В ХАНТЫЙСКОЙ И МАНСИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КУЛЬТУРАХ

Семёнов Александр Николаевич

Д.п.н., доцент, в.н.с., Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск
alin52@list.ru

AXIOLOGICAL CATEGORIES OF EVALUATION (UNDERSTANDING) OF THE UNIT OF THE WORLD *SPACE* IN KHANTY AND MANSI ARTISTIC CULTURES

A. Semenov

Summary: The article examines the variety of forms of axiological categories in the literature of Khanty and Mansi, both absolute and comparative, the originality of their use in the literary text. This is caused, among other things, by the fact that the appeal to the analysis of forms and features of the use of axiological categories opens up opportunities for expanding ideas about the uniqueness of the embodiment of ideas about the nature of the world, its understanding of the world in national literature.

Keywords: axiological categories, absolute categories, comparative categories, structure of the world, evaluation of the world, space.

Аннотация: В статье рассматривается многообразие форм воплощения аксиологических категорий в литературе ханты и манси, как абсолютных, так и сравнительных, своеобразие их использования в художественном тексте. Вызвано это, в том числе и тем, что обращение к анализу форм и особенностей использования аксиологических категорий открывает возможности расширения представлений о своеобразии воплощения представлений о характере мира, его понимания мира в национальной литературе.

Ключевые слова: аксиологические категории, абсолютные категории, сравнительные категории, строение мира, оценка мира, пространство.

Актуальность исследования продиктована необходимостью более обстоятельного и планомерного изучения своеобразия воплощения картины мира и её оценки в литературе малочисленных народов Севера. На сегодняшний день эта тема остаётся недостаточно разработанной, и сам процесс анализа данной значимой проблемы позволяет расширить возможности рассмотрения в единстве художественной картины мира писателя и культуры его народа. **Цель:** автор ставит целью раскрыть структурно-семиотическую категорию концепта, применение которой открывает новые возможности в исследовании организации художественного текста как обско-угорской, так и русской литературы. Реализация поставленной цели произведена за счёт того, что, во-первых, в работе сделано обращение к элементарным представлениям о том, что такое аксиологические категории и каковы их разновидности. А во-вторых, сделан анализ того, какие из этих категорий наиболее последовательно встречаются в художественных текстах хантыйской и мансийской литератур, каков характер их пребывания в эпическом или лирическом пространстве текста. **Научная новизна** исследований определяется тем, что в этом аспекте означенные литературы ранее не анализировались. **Теоретическая значимость** работы определяется тем, открывает возможности для более обстоятельного анализа аксиологических категорий как в пределах конкретной национальной литературы, так

отдельной творческой индивидуальности, что открывает возможности для формирования более обстоятельного представления о своеобразии картины мира как в первом, так и во втором случае. В свою очередь, **практическая значимость** результатов исследования, как показывает опыт обращения к данной проблеме, заключается в возможностях использования полученных результатов в лекционно-практической работе в вузах, в системе повышения квалификации учителей родных языков и литератур, в работе с учащимися старших классов.

Аксиологические категории являются основным структурным элементом выражения оценки в художественном тексте. Такая оценка может быть прямо выражена *абсолютными* аксиологическими категориями («хорошо»/«плохо», «красиво»/«безобразно»), которые являются антонимичными или взаимно определяемыми. Это означает, что трактуемый объект ценен, а его отсутствие тоже ценно, но негативно или объект, в зависимости от обстоятельств, условий восприятия субъектом может быть оценён как хороший, так и плохой.

«От большого мороза спасает только хороший дом» [4, II, с. 74], – знает герой повести Еремея Айпина «Я слушаю землю». Навестившего Торума мужчину Хиня в «Рассказах старого ханты» Алексея Сенгепова верховный бог наставляет: «Ты... – на это не обратил внимания, даже не подумал,

что за штука: хорошая вода или плохая вода» [4, II, с. 610].

Одни и те же явления и предметы могут характеризоваться аксиологическими категориями в качестве как положительных, так и отрицательных, в зависимости от условий и потребностей использования. Последнее было подмечено в своё время ещё Сократом в беседе со своим учеником Аристиппом: «– Так и навозная корзина – прекрасный предмет?» — спросил Аристипп. – «Да, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ. – И золотой щит – предмет безобразный, если для своего назначения первая сделана прекрасно, а второй – дурно». — «Ты хочешь сказать, что одни и те же предметы бывают и прекрасны и безобразны?» – спросил Аристипп. – «Да, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – равно как и хороши и дурны: часто то, что хорошо от голода, бывает дурно от лихорадки и, что хорошо от лихорадки, дурно от голода; часто то, что прекрасно для бега, безобразно для борьбы, а то, что прекрасно для борьбы, безобразно для бега: потому что всё хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и, наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено» [5, с. 61].

А для Фридриха Шиллера обращение человека к аксиологическим категориям для номинации хорошего и плохого, красивого и безобразного связано, в первую очередь, с внутренним миром самого человека, качествами его характера потому, что «красота есть состояние нашего субъекта, ибо чувство является условием, благодаря коему мы можем иметь представление красоты. Она есть форма, ибо мы её созерцаем, но в то же время она есть жизнь, ибо мы её чувствуем. Одним словом, красота одновременно и наше состояние, и наше действие» [11, с. 341].

Помимо абсолютных аксиологических категорий широко используются *сравнительные*, когда присутствует указание на то, что один объект хуже или лучше, предпочтительней, удобней другого. Из двух хороших вещей одна может быть лучше другой. При этом из того, что одна вещь предпочитается другой, не вытекает, что первая является хорошей, а вторая плохой. Понятия «лучше» и «хуже» дают градацию рассматриваемых явлений, и они взаимно делимы: первое лучше второго или наоборот.

«Молчание хорошо, чистота лучше!» [4, I, с. 66], – уверена героиня эссе Светланы Динисламовой «С волками жить...». А героиня повести Ольги Кашмановой «Лесбег» признаётся: «Вот, так и смотришь, где лучше болото, где легче вывозить, где мох длиннее» [4, I, с. 144]. В поэме Микуля Шульгина «Макар Осмаров» в размышлениях героя встречаются «бог» и «царь», которые оцениваются сравнительно:

В извоз уходят. С ними и Макар. А их правитель дремлет в жаркой спальне, С ним, верно, бог и – это хуже –

царь... [4, II, с. 726].

Рассказчик в повести Айпина «Я слушаю землю» прибегает к сравнительной аксиологической категории, чтобы оценить мир, каким он был, когда в нём была мама с тем, которым он стал без неё: «При маме мир был одним, а без мамы стал совсем другим» [4, II, с. 76]. Остался миром, в котором «мужчины рубили Землю. И мы видели, как мёрзлые комья падали на чёрный снег. Рубили ту Землю, которую так любила наша мама и в которую она уходила преждевременно. Её не стало утром, после восхода солнца. По примете хантов, смерть после восхода – это преждевременная смерть. Рубили Землю нашей мамы. И нам было больно. И во мне до сих пор жива эта боль...» [4, II, с. 76].

Мир стал таковым, что снег в нём теперь чёрного цвета, и Землю в нём рубят, превращая в «мёрзлые комья», и главное – повествователю «было больно», и эта боль поселилась в его мире навсегда.

Сравнительные аксиологические категории могут характеризовать объекты как равноценные, и *равноценное* при этом номинируется, как не выделяющееся ни в худшую, ни в лучшую сторону. В романе Еремея Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» командир красных задумался над тем, «когда же эти народы разошлись по разным землям? Сколько веков-то прошло! А, поди-ка, находятся почти одинаковые типы. Вот, один был другом, второй – враг...» [1, IV, с. 23].

Таковыми являются два типа аксиологических категорий, к которым обращается человек для вынесения своих оценок. В художественном тексте активно бытование как абсолютных, так и сравнительных аксиологических категорий, и самое главное заключается в том, что формы их выражения, в отличие от бытовой речи, разговорного языка, необычайно разнообразны и зависят, в первую очередь от таланта, одарённости художника слова. В быденной речи человек может дать характеристику дождю как *хорошему* или *надоевшему*, *холодному* и *неприятному*, а художественный текст даёт ему оценку: «Упругий дождь хлещет в стекла...» [1, I, с. 31] (Матрёна Вахрушева, «На берегах Малой Юконды»), когда упругость дождя, а также то, что «хлещет», не сулят человеку комфортного пребывания в открытом пространстве, эти его качества неприятнее, нежели когда он, например, «моросющийся». Однако (вспомним Ф. Шиллера) для лирического героя Валентина Молоткова (стихотворение «Стыгинский туман») разбушевавшаяся непогода обладала своим положительным началом:

Разбушевдалась непогода, И тучи с севера пошли. И грянул гром средь небосвода. Над грудью трепетной земли. И дождь полился. Эх, чудесно! Сверкнула молния в глаза... [1, I, с. 173].

У Юлии Наковой («Утро пахнет Рекой, или Путешествие к Югорскому Солнцу») «весёлые дождевики озорно играют на листве, играют молодой травой, играют на лицах людей. Это есть новый дождь, дождь нового лета, дождь, обновляющий землю...» [1, II, с. 394]. Характеристика дождя как нового имеет в данном контексте исключительно положительное начало его характеристики.

Обращение к теме бытования аксиологических категорий оценки мира в обско-угорских литературах невозможно без учёта того, что в качестве основы мироздания народов ханты и манси выступают традиционные для них представления о триедином строении мира, состоящего из трёх уровней: верхнего, среднего и нижнего. Верхний мир предназначен для обитания богов и высших духов, нижний является местом обитания могущественных духов подземного мира, в который уходит человек по окончании его жизненного пути, а средний мир – это место жизни человека. Представления о строении мира, к примеру, хранит герой повести Еремея Айпина «У гаснущего очага». Эти представления сложились во многом благодаря сказкам его Крёстного, от которого герой-повествователь узнал о том, «что есть Верхний Мир, где живут Боги. Есть Средний Мир – для людей. И есть Нижний Мир, куда перебираются люди после окончания жизни в Среднем Мире» [1, I, с. 192–193].

В таком строении мира уверен сказитель Светланы Динисламовой (рассказ «Сказ о Большом Человеке»), когда, к примеру, даёт характеристику заглавному герою: «Недавно от нас навсегда ушёл Большой Человек. Он и вправду – очень большой. Его душа вмещала в себя весь мир от земли до запредельных небес, и нередко витала в таинственном и непостижимом космосе...» [2, с. 86].

«Запредельные небеса» – это и есть тот самый Верхний Мир. В таком мире, который был «низко и высоко, близко и далеко, на небе и на земле. В Верхнем мире, в небесных летних избушках жили-поживали Солнце и Луна. Брат и сестра» [4, I, с. 111] – герои легенды «Старший брат» Анны Митрофановны Коньковой.

А в её же легенде «Вожак Ивыр» «мудрый Вындыр» разъясняет манси, которые не верили в то, «что злая смерть одолела такого умного. Сильного человека»: «– Не вернуть нам Ивыра. Его душа белым, чистым облачком поднялась в небеса. Там, в небесах, Ному Торум с радостью встретил его бессметную душу. Смотрите, Ивыр даже мёртвый желает нам добра: крепко закрыл глаза, никого не хочет высмотреть мёртвыми глазами, не хочет никого из нас взять с собой. Доброго – надо по-доброму отправлять в Нижний мир» [4, I, с. 127].

И великолепное объяснение, которое есть в поэме Николая Садомина «Здравствуй, друг!»: «<...> Дерево берёт пищу от земли, а воздух – от животных и человека.

Оно живёт на свете тысячи-тысячи лет, а человек в Среднем мире – один век. Так он, разумное существо, во многом вечен. Его Дух после его смерти продолжает жить в Верховном Заоблачном или в Нижнем мире, вновь может вселяться также в Среднем Подсолнечном мире в душу и тело своих детей, внуков, племянников. Поэтому для умершего манси прямо на дерне земли строят домик, высотой в три-четыре бревна, с крышей из бересты или тёса, с дверцей (кѳатас – "с дырочкой для руки")» [4, I, с. 220]. Мифологическое сознание народов имеет вполне сложившиеся представления о том, как построены Верхний и Нижний миры, кем они заселены. Однако это сознание никогда не берёт на себя смелость рассуждений на тему о том, что необходимо для того, чтобы эти миры как-то преобразовать, улучшить, гармонизировать отношения, сложившиеся в них между обитателями. Верхний и Нижний миры существуют как данность, не предполагающая в принципе подхода к ним, как к чему-то, подвластному деформации с целью улучшения. Зато представления художественного сознания северного человека о том, каким должен быть Средний мир, предназначенный для жизни человека, как в устном народном творчестве, так и в оригинальной литературе, являются одной из самых главных и неизменно актуальных, принципиально важных и для авторов, и для их героев.

Аксиологический статус единицы пространства, номинированной как Средний мир, в качестве выделенного объекта в художественном тексте, может быть выражен абсолютными аксиологическими категориями «хороший», «плохой», которые используются как авторами, так героями в оценочном высказывании.

Для характеристики мира часто используются качественные определения, свидетельствующие о качественно новых условиях жизни северных народов. День Восьмое марта – убеждена лирическая героиня Матрёны Вахрушевой – открыл «женщине манси свободной»

Дорогу к счастью и свету
В широкий новый мир [4, I, с. 21].

Аксиологическими категориями в лирическом пространстве Матрёны Вахрушевой является определения «широкий» и «новый»

Развитием характеристики мира, который для северного народа и, в первую очередь, для женщины, открыл широкие возможности новой жизни, находим в автобиографической повести мансийской писательницы «На берегах Малой Юконды», когда рассказчица приходит к осознанию, что лодка, на которой она плавала по быстрой таёжной речке, увезла её «в чудесный мир», коим предстал «большой далёкий город» [4, I, с. 23]. Именно в этом городе, в школе у героини-рассказчицы возникло осознание того, что мир – это не только маленькая дере-

вушка, «что стоит на клочке земли, окружённом со всех сторон шумящими, пенящимися потоками», а это – ещё и «большой мир: моря, реки и города с большими-большими домами» [4, I, с. 23].

Расширение и развитие единицы пространства для героини повести М. Вахрушевой происходит в нескольких направлениях. Во-первых, ей открывается «мир науки», в который она попадает по окончании университета, и оценивается этот мир в тексте повести исключительно аксиологической категорией «светлый».

Будучи современницей полёта Юрия Гагарина, героиня по-новому открывает для себя мир «звёзд и небесных планет».

Лирическая героиня Светланы Динисламовой признаётся в любви к миру: его пространство – это место, где живут её дети, и по отношению к ним «мир прекрасен и добр», в этом мире «солнце каждому светит», в этом мире лирический субъект имеет все основания ощущать себя частицей Вселенной. И самое примечательное заключается в том, что мир, который любит лирическая героиня Светланы Динисламовой, узнаваем как хронотоп: в нём есть и реальное пространство, и реально различимое течение времени:

<...> Мысль – незримая нить. Предо мною просторы.
Моя Сосьва река, лес, Уральские горы.
Предо мною века. Из отдельных мгновений,
Чётко вижу сегодня я связь поколений.
Я стою у окна. Предо мною века.
Я люблю этот мир. Вихрем вьются снега.
Я в гармонии чувств. Я люблюсь ненастьем.
Моя Сосьва река. Мое тихое счастье [3, с. 25].

Определяющим мотивом стихотворения являются слова «Я люблю этот мир» (они дважды начинают поэтическую строку), и заключённое в них признание выступает в качестве аксиологической категории, предельно выразительно служащей для характеристики мира. Доказательством справедливости того, что слова о любви выполняют функцию аксиологической категории, может служить и замечание в эссе «С волками жить – по-волчьи выть» о том, как волчица, оставшись одна, «подолгу наблюдала за полётом птиц, мысленно уносила к ним в поднебесье и оттуда любовалась миром, радовалась приволью...» [4, I, с. 66].

Признание в любви к миру, как и способность любоваться им, становятся аксиологическими категориями, так как и в первом, и во втором случае мир должен обладать теми свойствами, теми положительными качествами, которые позволяют характеризовать его как положительное, гармоничное явление. При этом в различных формулировках и определениях в обско-угорской литературе отмечается непростота мира, в котором живёт человек. Так, Герой повести Ювана Шесталова «Тайна

Сорни-Най» Сергей не просто хотел «познать таинственную жизнь своих предков, но и понять себя в этом сложном мире» [10, V, с. 85]. Другой герой этой повести поёт об окружающем его мире, «о небе, где живут высшие боги», «о земле, где рядом с настоящими людьми уживаются твари», «о воде, как о вечно льющейся, неиссякаемой жизни», «о мироздании, в котором всё одухотворено, где всё вечно, переходящее из одного состояния в другое, о слабом человеке, песчинке в этом огромном и сложном мире...» [10, V, с. 93]. В приведённом эпизоде утверждению сложности мира предшествует расшифровка, раскодирование того, почему этот представляется герою сложным.

Ретроспективный взгляд на мир в литературе ханты и манси характеризуется, за редким исключением, аксиологическими категориями положительного порядка, даже если за этими характеристиками стоит иллюзорное представление, видение того, что было в прошлом. К примеру, героиня рассказа С. Динисламовой «Мы есть...» Люба «трепетно относилась к воспоминаниям о своём детстве, той поре, когда мир казался совершенным – добрым и прекрасным. В мире детства солнце светило намного ярче, дни были длиннее, травы и деревья зеленее, вода в реках и озерах прозрачнее и чище, летние грозы мощнее и раскатистее... Всё-всё было особенным, основательным, значительным» [2, с. 48].

Прочитанный эпизод включает в себя аксиологические категории, которые характеризуют «мир детства», и в воспоминаниях ребёнка этот мир сохранился «добрым и прекрасным». Другое дело, что восприятие ушедшего мира детства носит иллюзорный характер, ведь этот мир только «казался совершенным». Поэтому продолжение его ценностной характеристики, представленное обилием прилагательных сравнительной степени («длиннее», «зеленее», «прозрачнее и чище», «мощнее и раскатистее»), только усиливают ощущение иллюзорности того, каким «особенным, основательным, значительным» был мир в детстве, но только по представлениям юного, формирующегося сознания.

Для лирической героини Аллы Копьёвой (стихотворение «Облака купаются в воде...») край родной Конды, «чудесней» которого не встретить это – «Мир необъяснимой красоты!», однако последняя, как аксиологическая категория характеристики, находит в лирическом пространстве своё объяснение:

<...> Над водой склоняется тальник,
От воды в тайгу бежит дорога.
Там к сосне доверчиво приник
Тонкий ствол осинки-недотроги.
Там берёзы в родинках живут,
Чередуясь с ельником туманным.
Вновь дорога выйдет на Конду,
В луг зелёный с ароматом пряным... [4, I, с. 130–131].

В уже опоминавшейся поэме Николая Садомина родной край, который номинирован как Средним мир, характеризуется определением «светлый», над которым «лазурное солнечное небо» [4, I, с. 220].

«Случайные мечтатели» Ирины Лонгортовой («Цветок цвета неба») выходят «навстречу миру, залитому трелями птиц и снопами искрящегося света» [4, II, с. 251]. Сделанное замечание свидетельствует о том, мир для них характеризуется звуками пения птиц, то есть приятными для слуха и обилием («снопами») яркого («искрящегося») света, даже, если в силу своей мечтательной натуры, они за реальный мир принимают некое мечтание, надежду или упование на то, что мир должен быть таким музыкально звучным и ярким. Возможно, что их характеристика мира – это скорее иллюзия, самообман, самообольщение, однако таково мировосприятие мечтателей.

Функцию аксиологических категорий могут выполнять в мансийской литературе глаголы, особенно выразительные делающие характеристику мира в сочетании с определениями, к примеру, сообщающими ярко выраженное отрицательное начало: «Когда из жизни изгоняют детские игры, то мир окоченеваает в смертной и тягостной скуке порядка. Я это чувствую...», – осознаёт герой романа Геннадия Сазонова и Анны Коньковой «И лун медлительных поток...» [4, I, с. 266].

Окоченение мира становится определяющим началом его характеристики, в которой, в связи с этим процессом присутствуют смертельное и тягостное как качества этого мира.

В лирике Андрея Тарханова роль аксиологической категории для характеристики мира гармонично выполняет существительное: «Все звуки мира тянутся ко мне» [6, с. 141], – читаем мы в стихотворении «Взаимосвязь», и мир предстаёт не только звучащим, но и находящимся в движении.

В повести Ювана Шесталова «Тайна Сорни-Най» аксиологической категорией характеристики мира также выступает глагол, несущий содержание неистовости и необузданности, яростного движения, лишённого смысла:

<...> Мир кружится в бешеной пляске.
Кружатся спутники, спортсмены, газеты.
Газеты режут о рекордах, нефти, машинах.
Лошадь дичает, живым ископаемым бродя по степи [10, V, с. 59].

Одна из особенностей представления, видения мира в мансийской литературе заключается в том, что его характеристика во многом зависит от того, в каком настроении, состоянии здоровья, возрасте находятся персонажи, в чьём восприятии эта характеристика представлена. Для героини романа «И лун медлительных

поток...» вроде и не стареющей Апрасиньи, в какие-то моменты «мир терял звуки, цвета и запахи, глохло всё вокруг неё, и внутри пустело, как озеро среди камней, с которого только-только поднялась лебединая стая, обронив белоснежные перья. В неё проникала голодная тоска, и она погружалась в её беззвучность, в немоту и не видела ничего перед собой...» [4, I, с. 274].

Окружающий мир оставался таким, как и прежде, и только сознание героини воспринимает его как теряющий звуки, цвета и запахи. Такой, теряющий привычные качества мир, входит в сознание героини голодной тоской, словно бы (речь идёт исключительно о восприятии мира ею одной) наполняя её сознание беззвучностью и немотой, лишая способности видеть этот самый мир. А сравнение «всего вокруг неё» с той пустотой, которая возникает на озере «среди камней, с которого только-только поднялась лебединая стая, обронив белоснежные перья», только оттеняет, лишней раз подчёркивает красоту мира с его гармонией озёр и каменных берегов, с полётами белоснежных птиц.

Для птицы, героини лирического повествования Андрея Молданова (стихотворение «Летели лебеди над лесом...») характеристикой мира также выступает её собственное ощущение, что мир потерял прежние краски, стал одноцветным:

Раздался выстрел где-то близко,
Вдруг птице стало тяжело.
На перьях белых у неё
Кровь просочилась на груди.
И для неё мир серым стал... [4, II, с. 307].

Принципиально другим, не оглохшим и потерявшим звуки, цвета и запахи, а прекрасным видится мир тем, кто, избежав опасности погибнуть в водной стихии, выбрался из неё. Так видят мир ныряльщики в романе «И лун стремительный поток...», которые укрепляли «священный летний запор» на реке, рискуя собственной жизнью: «Мужчины окружили ныряльщиков, похлопывали по плечам, поправляли на них шубы, подбрасывали сушняк в костёр, а ныряльщики с наслаждением пили свежий, настоящий на хвое воздух, и глаза их сияли, отражая солнце. Как прекрасен, как распахнут мир, как он волшебным расшит красками, как он солнечно пронизан тончайшими струями звуков!...» [4, I, с. 288].

Одно из важнейших качеств, наблюдаемое в обско-угорских литературах, заключается в том, что её герои оказываются способными преобразовывать окружающий мир, воздействовать на его качественные характеристики в сторону улучшения, совершенствования. Так, герой рассказа Еремея Айпина «Осень в твоём городе» великолепно помнит то время, когда дорогой ему человек, любимая женщина «не просто шла по жизни – Ты совершенствовала мир. Ты вся светила. Ты горела. Ты

одухотворяла мир, человека и всё сущее во Вселенной. Я знал, что Ты не подозревала, что сама была обворожительным совершенством мира. И всё, к чему Ты прикасалась, становилось лучше, прекраснее...» [1, III, с. 10–11].

Эпизод примечателен тем, что в нём – не столько характеристика окружающего мира, сколько процесс улучшения его качественных характеристик, о чём свидетельствуют глаголы, выполняющие роль аксиологических категорий, которые свидетельствуют о его одухотворённости, совершенстве, прекрасно улучшающейся сущности. Всё это позволяло рассказчику наслаждаться «этой жизнью и этим миром» [1, III, с. 10].

Мир прекрасен в каждой своей детали, в каждой подробности: и в свежем, настоящим на хвое воздухе, и в сияющем для глаз солнце, в красках, в тончайших струях звуков. Мансийская литература знает характеристику мира как суетливого, когда, к примеру герои рассказа Ирины Тургачёвой «Обыкновенный пёс Гораций» каждое лето съезжается к морю, чтобы отдохнуть от суеты мира и работы» [4, I, с. 411]. Эта литература неоднократно прибегает к определению странной для характеристики мира, и находит этому разные причины. К примеру, для лирического героя Андрей Тарханова причина такой характеристики кроется в том, что

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.
В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках... [7, с. 111].

Зато героиня романа «И лун медлительных поток...» Околь, которая «искала в себе, пыталась найти, но то неуловимо ускользало, ведь она хотела сделать в жизни что-то сама, пусть крохотное, но своё», которая немного «прочитала книг, да и то божественных», не видела в мире странного, а «узнала, что мир велик, населён разными народами, что человек рождается в уготованной судьбе, и та даётся ему свыше, и что всем миром владеет божья воля – могучая, но справедливая...» [4, I, с. 327]. И, словно бы, никаких странностей.

В поэме Ювана Шесталова «Клич журавля» последнему мир видится не только *большим* даже *великим*, но и миром «умирающей земли». Однако главное аксиологическое его содержание заключается в том, что этот мир сотворил Торум! Наш разум космический! Бог, Мир сотворивший из света и тьмы! [10, II, с. 468].

Роль аксиологической категории в тексте Ювана Шесталова выполняет мифологическая формула, согласно которой мир есть результат божественного творения, и в основе этого творения – свет и тьма. Тот факт, что мир появился в результате божественного деяния, вне сомнения, наполняет его положительным содержанием, несмотря на то что в состав аксиологической категории,

помимо света, входит и тьма.

Аксиологические категории характеристики мира в литературе обских угров могут носить метафорический характер, когда мир представляется персонажам «безразличным» или «равнодушным» или наоборот «весь мир кажется радушным домом» [9, с. 171], как героям повести Андрея Тарханова «Капитан Деткин». В другом эпизоде повести героям, «как никогда, мир казался возвышенным и вечным» [9, с. 184]. Нет необходимости дискутировать на тему вечности мира, хотя учёные астрофизики могли поспорить с писателями и поэтами. А вот видение мира как возвышенного выводит его характеристику в сферу метафорического мышления. Метафорическая характеристика мира может свидетельствовать о том, что в мире неуютно, дисгармонично ощущают себя мифологические, сказочные герои и даже жанры устного народного творчества: «В жестоком мире трудно сказке / О доброте...» [7, с. 258], – заметил лирический герой Андрея Тарханова, однако такую качественную характеристику мира он не считает основанием для того, чтобы не петь такую сказку, удивляться видимому миру, «слышать зов сердец в смятенье; / И слушать снегирия зимы», прекрасно понимая, что мир характеризуется в том числе и тем, что

в мире есть жестокость, ложь. Измены и страдания ближних. Пожары, снегопады, дождь. И много благородных лишних... [8, с. 104].

В приведённом отрывке характеристика мира выстроена по принципу оппозиции, когда жестокости, лжи, изменам, страданиям... противопоставлены только благородные, но лишние, хотя их и много. А характеристика мира в повести Ювана Шесталова «Тайна Срони-Най», хоть и созвучна тархановской, однако в ней заметно стремление найти равновесие между рождением и смертью, возвеличиванием и уничтожением, поцелуями и объятиями, похоронами и свадьбами:

Небо. Земля. Вселенная. Мир.
В мире рождаются и умирают,
Возвеличивают и убивают.
Хоронят с почестями, справляют свадьбы.
Ходят друг к другу в гости.
Пьют. Едят. Целуются.
Дерутся. Сколько целуются – столько и дерутся.
В мире устроено всё так слаженно и так всё странно.
Что Дремучему едва ли понять.
Небо. Земля. Вселенная. Мир... [10, V, с. 59].

В тех оппозициях, из которых, по мнению автора повести, состоит мир есть своя странная слаженность, свой паритет между поцелуями и драками, свадьбами и похоронами. И характеристики мира в художественном пространстве Ювана Шесталова и Андрея Тарханова являются приближенными к тому, что мы понимаем в качестве

реального мира, наиболее последовательно понимают и принимают диалектику существования этого мира.

Заключение

Анализ конкретных примеров художественных текстов хантыйской и мансийской литератур, в которых присутствует попытка дать характеристику Среднему миру посредством аксиологических категорий, свидетельствует о том, что активно используются как абсолютные, так и сравнительные категории, хотя последние используются значительно реже.

Обращение к абсолютным категориям характерно для тех авторов и их героев, которые видят мир большим, великим и более того – чудесным, светлым, прекрасным и добрым. Он остаётся таковым даже когда суетлив.

Положительное начало добавляет этому миру то, что в нём есть особое интеллектуальное пространство – мир науки.

В роли положительной аксиологической категории для характеристики мира, как пространства, могут выступать не только определения, но и описания, к примеру, в лирическом пространстве того, как в этом мире и кому светит солнце, как лирический субъект ощущает себя частицей Вселенной. Положительные начала Среднего мира усиливаются тем, что в нём присутствует связь поколений, и последнее в таком случае выполняет роль положительной аксиологической категории. Аналогичную роль выполняют в художественных текстах признания авторов героев в том, что мир отрывает им возможности радоваться приволью открытого пространства, любоваться им, любить его.

Примечательной чертой обско-угорских литератур является то, что даже непростота и странность, сложность Среднего мира, который является пристанищем человека, трактуется как положительное начало. В силу исконно народного, традиционного понимания мира в

качестве положительных аксиологических категорий в литературных произведениях выступают такие особенности этого мира, как проживание человека совместно с животным миром, как наличие в нём воды. Роль такой категории выполняет и сложившееся за многие столетия представление человека о мироздании, как об одухотворённом движении, непрекращающемся трансформации всего сущего в этом мире.

Даже ненастья мира, которые внешне лишают человека комфортного пребывания, к примеру, в открытом пространстве, могут обладать положительным началом уже потому, что они красивы и более того – внешне чудесны. Они положительны ещё и потому, что обновляют этот мир.

Роль положительной аксиологических категорий в обско-угорских литературах могут выполнять мифологические формулы, например, такая, по которой мир – это божественное творения, а в его основе – оппозиция света и тьмы. Эту же роль могут выполнять определения, который носят образный, метафорический характер, при этом мир может характеризоваться как положительно («безразличный» или «равнодушный»), так и положительно («радушный»). Возможны метафорические характеристики мира, свидетельствующие об отсутствии в нём уюта, о его дисгармонии и даже жестокости, однако присутствие таких характеристик, в сравнении с положительными, незначительно.

При всё многообразии воплощения аксиологических характеристик мира в хантыйской и мансийской литературах их преобладающее количество связано с положительным началом, с видением мира как *возвышенного и вечного*.

Сравнительные аксиологические категории возникают в художественных текстах литературы ханты и манси в тех случаях, когда необходимо сравнить то, каким был мир в детстве по сравнению со взрослой жизнью или в разные исторические эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айпин Е. Собр. соч.: в 4 т. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»; Т.1: У гаснущего очага. – 286 с.; Т. 2: Ханты, или Звезда Утренней Зари. – 383 с.; Т. 3: Река-в-Январе. – 319 с. Т. 4: Божья Матерь в кровавых снегах. – 287 с.
2. Динисламова С.С. Мы есть...: Стихотворения, рассказы / С.С. Динисламова; предисл. В.Б. Орлова. – Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2011. – 128 с.
3. Динисламова С.С. Моё тихое счастье: сборник стихотворений на русском языке. / С.С. Динисламова; предисл. А.Н. Семёнов. – Тюмень, ООО «Формат» – 72, 2021. 78 с.
4. Литературное наследие обских угров. В 2-х томах / Сост. Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 1, 564 с.; Т. 2. – 748 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: В 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. – М.: ООО, «Издательство АСТ»; Харьков: ФОЛИО, 2000. – 846 с.
6. Тарханов А.С. Буранная Россия: Стихотворения. – Тюмень: ООО «ИПЦ «Экспресс», 2015. – 240 с.
7. Тарханов А.С. День боренья. Стихи, поэмы. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. – 320 с.
8. Тарханов А.С. Исповедь язычника: Стихи и поэма / Предисл. К. Яковлева. Екатеринбург: – Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. – 400 с.

9. Тарханов А.С. Лесные доктора: Универсальная книга для детей всех школьных возрастов. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2008. – 200 с.
10. Шесталов Ю.Н. Собр. Соч. в 5 т. – Санкт-Петербург; Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997–1999. Т. 1, 1997. – 480 с.; Т. 2. – Т. 2. – 528 с.; Т. 3, 1997. – 528 с.; Т. 4, 1997. – 416 с. Т. 5, 1999. – 560 с.
11. Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6.: Статьи по эстетике. – М.: ГИХЛ, 195. – 790 с.

© Семёнов Александр Николаевич (alin52@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок